

Автор: Чаплина Валентина Семеновна

Книга: Одна минута

Рассказ: Мужской разговор

Разговор явно не клеился. Большой незнакомый дядя сидел в сквере на скамейке и молчал. А маленькому человечку в зеленом вязаном костюме и белой панамке хотелось, чтобы он разговаривал. Дядя не шевелился и все время смотрел в одно и то же место. А в том месте совсем ничего не было. Только земля и все. Человечек сполз со скамейки и ткнулся носом в дядино колено. Колено двинулось вправо, влево и остановилось.

Шорох послышался вокруг. Что-то холодно защекотало шею. Человечек стал вертеть головой в разные стороны.

– Дожжик! Ой! Дожжик!

И потянул дядю за штанину. Дядя очнулся. Два синих любопытных глаза из-под панамки смотрели на дядю в упор.

– Ты что?

– Капает!

– Ага, вроде.

Дядя машинально подставил ладонь дождю, но не двинулся с места. Дождь застучал по скамейке, как барабанщик, громко и весело.

– Чего сидишь! Ребенка простудишь! Ну, эти молодые папаши! Ничего не соображают! – крикнула женщина, которая пробежала мимо, накрыв голову газетой.

Дядя встал и осмотрелся. Вокруг уже никого не было, кроме этой убегающей женщины. То место, где он сидел, сейчас же стало мокрым и блестящим, как вся скамейка.

– Ты с кем? – спросил он у человечка.

– С Мишей.

– Миша-а! – крикнул дядя. – Ми-иш!

Никто не отозвался. Дядя поежился, поднял воротник.

– Где же он, твой Миша-то?

– Во-от.

Человечек протянул плюшевого мишку с одним ухом. Дядя страшно удивился.

– Ах? ты с этим? И больше ни с кем?

– Ни с кем.

Дядя торопливо схватил мишку, сунул головой в карман, поднял человечка на руки и побежал.

– А где твоя мама? – спросил на бегу.

– В окошке, – малыш показал ручонкой на соседний дом. – Она лазывается на сто частей и в окошко смотрит, как я иглаю.

Дядя вбежал в дверь почтового отделения, которое было недалеко, и остановился. Но в это время выглянуло солнце, дождь кончился. Кроха так уютно уткнулась в дядину шею, что не хотелось отрывать ее от себя. Дядя так и стоял, не спуская ее с рук. Народ, укравшийся здесь от дождя, стал выходить на мокрый асфальт улицы.

– Не простыла дочка-то? – спросила дядю та самая женщина, которая пробежала по скверу, накрывшись газетой. Погрозила дяде пальцем и, не дожидаясь ответа, вышла из почтового отделения.

– Какая дочка?! Это же сын! Парень! – уверенно возразил мужчина с седыми бровями, пошевелил ими, глядя на кроху, и направился вслед за женщиной. Больше у дверей никого не было. Дядя с недоумением подсмотрел на человечка.

– А ты – кто? – заговорщически спросил он в махонькое розовое ушко.

– Кто? – зазвенел тонкий голосок.

– Ну да, кто? Дочка или сын?

– Я – Саша.

– Александр, значит? Или Александра?

– Саша, – упрямо твердили из-под панамки.

– Это, брат, не ответ. Ты скажи, кто ты, девочка или мальчик?

– Са-а-ша-а...

В синих глазах закипали слезы.

– Ну ладно, ладно, Саша так Саша. Я, брат, сам тоже Саша. Понял?

Человечек понял. Минуту назад лил дождь, а сейчас в голубой луже на асфальте уже плыли белые облака. Деревья после прохладного душа стояли такие сверкающие, будто у них вместо листьев к веткам были прикреплены маленькие зеркала. На улице стало так светло, мокро и весело, что не хотелось стоять под крышей.

– Я так думаю, товарищ Саша, – сказал дядя, – нам с тобой надо срочно идти на ту скамейку, где мы были, а то тебя мама не найдет. Пошли?

– Пошли, – радостно пискнул человечек Саша, прижимаясь к дядиному плечу.

Держа Сашу одной рукой, дядя разостлал на скамейке сухую газету и сел.

– Сашок, это ты с кем? – послышался женский голос откуда-то сверху за дядиной спиной.

– С дядем! – звонко крикнул человечек, не отпуская дядину сырую шею.

Дядя осторожно обернулся. В открытом окне третьего этажа стояла раскрасневшаяся женщина с круглым, как луна, лицом и маленьким, тоже круглым, носом. Она улыбалась и ложкой перемешивала что-то в кастрюле. Кастрюля так блестела на солнце, что хотелось зажмуриться. Возможно, женщина за работой даже не заметила короткого летнего дождя.

– Вы не беспокойтесь, – крикнул ей дядя, – мы подружались.

– Спасибо, – закивала она. – Посиди еще немного, Сашок. Я скоро.

Женщина отошла от окна, и унесла с собой кастрюлю.

– Оказывается, ты Сашок. Вот видишь, все и выяснилось.

– Что вы-я-сни-лось? – по слогам произнес Сашок длинное слово.

– Выяснилось, говорю, сын ты или дочка.

– А у тебя есть дочка?

Дядя ничего не ответил, отвернул голову и совершенно перестал двигаться. Сашок расцепил руки на его шее и заглянул в лицо. Дядя неподвижным взглядом опять уставился в голую землю. Сашок поерзал, подрыгал ногами. Дядя молчал.

– Говоли, – потребовал человечек и провел ручонкой по дядиным губам.

Дядя вздохнул, посадил его к себе на колени.

– Понимаешь, какое дело...

– Какое дело?

А дядя снова замолчал.

– Какое дело? Ну какое дело? – в третий раз повторил Сашок, готовый разреветься во весь сквер.

– Понимаешь, не знаю я, есть у меня дочка или нет. Сижу, думаю и ничего придумать не могу.

Сашок от «удивления даже рот открыл. Дяде стало не по себе.

– Не знаешь? Такой большой и не знаешь?

Сашок засмеялся, а дядя стал медленно и густо краснеть. Вытащил из кармана сначала мокрого одноухого мишку, которого отдал Сашку, потом свернутое в квадратик письмо.

– Вот она пишет, понимаешь...

– Кто? Дочка?

– Нет, тетя одна. Вот слушай.

Дядя расправил письмо одной рукой на колени и стал читать: «Саша, прощай. Это мое последнее письмо. Зачем нам письмами расстраивать друг друга?»

– А у Наташи есть черепаха...

– А? Да, да, черепаха. «...расстраивать друг друга. Я все равно счастливая несмотря ни на что. Ведь я теперь не одна на всю жизнь...»

– Она одуванчики ест.

– Да, да, одуванчики, «...не одна на всю жизнь».

Но тут дядя оторвался от письма и посмотрел на Сашка.

– Так ты говоришь, одуванчики?

Он вздохнул, горько усмехнулся и засунул письмо снова в карман.

Сашок в это время трогал дыню пуговицу на пиджаке. Пуговица была большая, черная и хорошо вертелась в разные стороны.

– Так вот, говорю... такое, брат, дело, – опять заговорил дядя.

Сашок молчал, только сопел.

– Да брось ты, понимаешь, крутить-вертеть. Давай я тебе лучше расскажу... что-нибудь.

– Ласскажи. Только я спать все лавно не буду.

– Ну, конечно, к чему спать? Так вот, значит... жила одна тетя. Хорошая-хорошая. Красивая-красивая.

– Как моя мама?

Дядя вспомнил круглолицую женщину в окне, усмехнулся.

– Почти такая же.

– Нет, такая же, как моя мама, как моя мама, – упрямо затвердил Сашок, и глаза его часто-часто заморгали.

– Да ладно-ладно, конечно, как твоя мама... И был у нее... понимаешь... ну... дядя... Только плохой... нехороший... в общем...

– Как Балмалей? Он идет и кличит отлашным голосом: «Я тебя съем!»

– Это вот – точно. Вылитый твой Бармалей... Худо было тете, ей бы, конечно, уйти от Бармалея на другую квартиру, да некуда. А у меня, понимаешь, комната, хоть в футбол гоняй.

– А ты отдай тете.

– Я и хотел, сказал ей, а она головой покачала: «Поздно, – говорит, – поздно». Но я не расстроился. Знаешь, женщины они никогда сразу ответа не дадут.

– Не дадут, – серьезно повторил Сашок и снова взялся вертеть пуговицу.

– Вот мы с тобой мужчины, всегда отвечаем точно и прямо.

– Точно и плямо.

Пуговица вертелась все легче и все быстрее.

– Но понимаешь, жила-жила тетя и вдруг уехала.

– В Москву?

– Нет, на Дальний Восток. Вырастешь, пойдешь в армию, может, и ты на ДВК попадешь. Я, брат, там служил и тете про тот край рассказывал. Вот она взяла да и махнула.

– Лукой махнула? Тебе?

– Да не мне махнула, а на меня.

Дядя оторвал пуговицу и положил в карман.

– Я тут же хотел вслед за ней, стал просить отпуск на работе, понимаешь?

– На лаботе, понимаю. Отпуск, понимаю. Ясли на лемонте. Меня куда девать? Мама пошла в отпуск. Потом папа пошел. Потом дедушка. По очеледи ходили. А потом все отпуска кончились, а лемонт не кончился. Куда меня девать? Тепель я хожу с мамой на лаботу. Сейчас у нас обеденный пелелыв.

Мальш склонил голову набок и устало вздохнул, видно, ему трудно было произнести такой длинный монолог.

– Да-а, сложно у вас, покачал головой дядя, задумался. – Но ничего, вы же нашли выход!

– Нашли! – кивнула панамка.

– Но я никуда не поехал, отпуск мне не дали. А потом понял я, почему она мне так ответила и уехала. Понимаешь, брат, написала мне эта тетя, что... в общем, ну... что хочет купить девочку или мальчика.

– Тебе?

– Не-ет. Себе и тому дяде. Бармалею.

– А где купить? В гастлономе?

– Нет, брат, не в гастрономе, скорей в этом... в универмаге.

– Я знаю где, а я знаю! – запрыгал Сашок и чуть не свалился с колена. – В «Детском миле»!

Дядя вовремя подхватил его и грустно улыбнулся.

Правильно говоришь. В «Детском мире»! А где ж еще?! Ну и... это... как только деньги получила, так и купила... Я еще тогда подумал: если мальчика купит, это ничего. Парень все-таки! А она... девочку. Дочку, значит, купила.

– С закрывающими глазами?

– С закрывающимися, – улыбнулся дядя.

– А она «мама» говорит?

– А как же! «Мама» говорит! А вот «папа»... еще ни разу не сказала.

Дядя вздохнул.

– А таких в «Детском мире» не бывает. Там только «мама» говорят.

Дядя удивился.

– Действительно, – недоуменно сказал он, – ни одна кукла «папа» не говорит. Да-а...

И задумался.

– А как зовут дочку? – спросил Сашок.

– Лада.

– Хмулиться не надо, Лада?

– Вот именно!

Дядя приподнял Сашку, подержал в воздухе и посадил на другое колено. Видно, ему очень нравилось держать малыша в руках.

– А у Наташи челепаху Тяпа зовут.

– Ну? Тоже имя, конечно. Надо же как-то назвать. Так вот пишет мне тетя, ты же слышал (дядя пошуршал письмом в кармане), пишет, что счастливая, потому что теперь не одна на всю жизнь. Не одна – это точно, но какое уж тут счастье! Как ты думаешь? В конце, вот гляди, приписка.

Дядя опять одной рукой расправил на колене письмо.

– Вот видишь – «Почему мы встретились с тобой так поздно?» Ну уехала она, ладно, одна сейчас с Ладой пока спокойно живет. А вдруг Бармалею стукнет в башку поехать к ней!? Напьется да и катнет! А? Придет, скажет: «Я отец!»

– Плидет, скажет, – кивнул Сашок.

Дядя посерьезнел.

– Конечно. Против факта не попрешь. И чего я, дурень, мучаюсь? Сижу тут, раздумываю, не знаю, что делать. Все ясно. Все очень ясно же, Сашок. Вот и выходит, что у Бармалея есть дочка, а у меня нет.

Сашок вдруг надул губы.

– Балмалей плохой. Он ее съест. Пускай тетя тебе ее отдаст. Ты холоший.

Дядя как-то странно посмотрел на человечка. То ли улыбнулся он, то ли сморщился, Сашок не понял.

– Наташе послезавтра летом тоже купили дочку с закрывающими глазами. Если Наташа будет плохая, дочку отдадут другой девочке, котояла папу-маму слушается.

– Так, значит, пускай Ладу мне отдают? Ты серьезно так думаешь?

– Да, – кивнул Сашок. Теперь он понял, что дядя все-таки улыбается.

– Понимаешь, брат, я ведь тоже сначала так рассудил. Прав ты, Сашка, прав! Молодец! Дай твою лапу!

Тот охотно протянул дяде обе ручонки. Дядя быстро встал, подбросил Сашку в воздух, тут же поймал его и крепко прижал к себе. Сашок стукнулся лбом о дядин подбородок.

– Видишь, какой серьезный мужской разговор у нас с тобой получился. Прямо здорово!

Лбу было больно, потому что дядин подбородок оказался ужасно твердым, и Сашок заревел во весь голос.

А дядя засмеялся.

– Слушай, ты давай не реви, а то мне мама твоя сейчас задаст перцу.

И Сашок неожиданно замолчал.

– Ведь любит меня тетя, знаю, любит. А что, я дочку усыновить не могу?

– Могу, – сказал за дядю Сашок.

– Вот возьму и пошлю тете телеграмму, мол, скоро приеду, крепко целую тебя и мою Ладку Александровну. Я же Александр, как и ты. Не возражаешь против такой телеграммы?

Сашок не возражал.

– Давай сразу сейчас и пошлем. Чего тянуть? Ведь решение у нас с тобой правильное?

– Правильное, – сказал Сашок и посмотрел на дом, в котором было почтовое отделение.

– Ты в окно смотри, пока я писать буду, вдруг твоя мама выйдет, – сказал дядя, когда на почте уже взял в руки бланк для телеграммы.

Но мама появилась как раз в то время, когда они, дав телеграмму, уже шагали по улице. Дядя держал за руку Сашку и улыбался. Сашок держал за лапу мишку, и мишка тоже улыбался, он был улыбчивым существом и не «плакал, даже – когда ему отрывали ухо. Зато Сашок шел вяло, рассматривая что-то на асфальте, и ноги у него цеплялись одна за другую.

– Спасибо вам, – торопливо сказала мама дяде, – а вы действительно подружились. Сашочек, пошли скорей, опаздываем.

Мы славно поговорили, – произнес дядя, не переставая улыбаться. Это вам спасибо за вашего сына.

Женщина удивленно приподняла брови, пожала плечами.

– До сих пор у меня была дочка.

– Как? – не поверил дядя и твердо возразил, – не может быть!

Тогда мама сняла с Сашки панамку, и лицо его стало таким девчачьим, что дальше возражать дяде уже не было никакого смысла. Он в изумлении взял Сашку за руки, будто желая разглядеть ее поближе. А она залепетала:

– Ой, мама, ты же ничего не знаешь, что у нас с дядем было, что бы...

И вдруг мгновенно, даже не договорив слова, заснула.

– Что же все-таки было? – улыбнулась мама.

А дядя строго ответил:

– У нас с вашей дочкой был сейчас серьезный мужской разговор.